

ОБЩЕНИЕ РЕБЕНКА СО СВЕРСТНИКАМИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В дошкольничестве впервые возникает деятельность, свободная от влияния взрослых, - это общение со сверстниками. Чем же оно отличается от общения ребенка со взрослым?

Общаясь со взрослым, ребенок просто воспринимает его точку зрения, но не переосмысливает ее, не перепроверяет. Взрослый для ребенка - образец, практически, трудно достигаемый.

В общении со сверстником у ребенка совсем иная позиция. Точка зрения, особенно не совпадающая с его собственной, тщательно обдумывается, мнение сверстника можно попытаться и изменить, чего нельзя сделать при общении со взрослым. Общение только со взрослыми не дает личностного и познавательного развития. Ребенок должен выработать свою точку зрения, сделать моральный выбор. Только общаясь со сверстником, ребенок может стать, действительно, равным партнером в общении. Сверстник выступает объектом сравнения с собой, это та мерка, которая позволяет оценить ребенку себя на уровне реальных возможностей, увидеть их воплощенными в другом.

Какова специфика общения со сверстниками?

- Общение со сверстниками более многообразно, чем общение со взрослыми. В игре детей могут проявляться те качества и личностные характеристики, которые не проявляются в общении со взрослыми, например, способность придумывать новые игры.
- В общении со сверстниками всем видам деятельности присуща яркая эмоциональная насыщенность. Ребенок приобретает способность сочувствовать другому, переживать чужие радости и печали как свои собственные, становиться эмоционально на точку зрения другого.
- Все формы обращения к сверстникам гораздо менее нормативны и регламентированы.
- В общении со сверстниками у ребенка больше возможность проявлять инициативу.

А что же взрослый? Неужели он не может вмешиваться в общение между детьми?

Давайте посмотрим, как развиваются формы общения ребенка и какова здесь роль взрослого.

Внимание к сверстникам может проявляться уже в возрасте 1 года (а может и не проявляться!), но если оно есть, то это еще не означает, что оно сформировалось до конца. Где-то к 1 г. 7 мес. внимание к сверстнику становится устойчивым, но ребенок еще не умеет привлекать внимание другого к себе адекватными способами. Такое умение может появиться после 2 лет.

Но даже в 3-4 года ребенок вполне может обходиться один, не обращая ни на

кого внимания, играя один. Может только проявлять интерес, наблюдая за другим, но не вступая в контакт. Может подражать играющему рядом ребенку, но опять-таки, не общаясь. А может и обмениваться игрушками с другим ребенком, а потом сказать, что он играл один!

Здесь вмешательство взрослого может оказаться как раз кстати. Поскольку единственной формой общения являются симметричные игры, т. е. обмен игрушками друг с другом, основанный на подражании, то Вы вполне можете подготовить свое чадо к этому - показать, как это здорово - поменяться игрушками! Ты - мне, я - тебе, и еще раз... Взрослый, таким образом, создает общий игровой замысел.

К 4- 5,5 годам появляется связная игра, но ребенок еще не умеет сам создавать игру с другими, распределять роли. Вот тут Вы и можете ему помочь, постепенно учить детей организовывать микроигры, а средством организации игры будет служить обыкновенная считалка.

В 5-6 лет появляется феномен первой детской дружбы. Возникает стойкая избирательность - хочу играть только с ним!

В детском саду многие впервые получают возможность завязать дружбу. У детей, имеющих друзей, более позитивная самооценка, они более уверены в себе. Поддерживать дружбу - значит, делиться игрушками, какими любимыми они бы не были, заступаться друг за друга, помогать в чем-то. Друзья учатся договариваться о том, чтобы время от времени меняться ролями в игре, мириться друг с другом, если произошла ссора, просить прощения у другого, сохранять общие секреты и тайны.

В детской дружбе уже сложно найти место взрослому, ведь ее нельзя навязать. Если Вам не нравится лучший друг ребенка - никогда не критикуйте его, тогда для Вашего ребенка он будет выглядеть еще привлекательнее. С возрастом избирательность привязанностей Вашего ребенка будет расти, все больше освобождаясь от ситуативных воздействий (например, внешней привлекательности или дисциплинированности), а в школе у него появятся новые друзья.

Как помочь ребенку.

Ребенок не может обойтись без сверстников, но его общение с ними без помощи взрослых почти всегда оказывается малоуспешным. Конечно, самые первые уроки общения даются в семье, но этим нельзя ограничиваться. Иногда во взаимоотношения с другими детьми необходимо вмешиваться напрямую: ребенка нужно учить, как достойно выходить из конфликтной ситуации, мириться, различать допустимое и недопустимое воздействие на агрессивного сверстника. Неподготовленность наших детей к социальным коллизиям, впервые возникающим перед ними, очевидна.

Один 6-летний мальчик, постоянно терроризируемый детьми постарше на игровой площадке, все пытался найти способ гасить их враждебность: демонстрировал свою ловкость, уступал их требованиям уйти и не мешать,

отдавал им свои конфеты – ничего не помогало. Однажды он вернулся домой окрыленным – ему показалось, что он нашел это волшебное средство: "Мама, я сказал им, что скоро иду в первый класс, и они меня почти не обижали". Он и позже пытался гасить так агрессивность сверстников, пока не осознал, что у каждого агрессора свои мотивы и в каждом случае нужен свой подход.

Рано или поздно ребенок овладевает подходящими к каждому конкретному случаю способами воздействия на сверстников, а пока его ни на минуту нельзя оставлять наедине с этими проблемами. От того, как сложится опыт его общения с ровесниками в конце дошкольного и начале школьного периода, зависит, какую компанию он выберет в подростковом возрасте.

Детская компания – довольно жестокое сообщество. Неспособный вписаться в группу – безжалостно изгоняется. Не всегда в этом его вина – работают пока малопонятные науке механизмы взаимных симпатий и антипатий. Трудно вывести закономерность, почему одни дети чрезвычайно притягательны для ровесников, а другие, ничем их не хуже, – нет. Психологи полагают, что в основе избирательности – способность популярных детей максимально удовлетворять потребность ровесников в общении.

Популярный ребенок обычно инициативен в контактах, чувствителен к переживаниям других, доброжелателен, признает заслуги товарищей по игре и сопереживает им. Другими словами, популярный ребенок умеет общаться и неэгоистичен. На его популярность оказывает влияние и взрослый, неприязнь или симпатия которого, даже не выказываемые явно, передаются группе и сказываются на отношениях детей друг к другу. Поэтому и наладить их, и ввести отвергаемого малыша в игровой коллектив может именно авторитетный взрослый.

Как показали опыты, достаточно серии несложных занятий, в которых взрослый выделяет в отвергаемом ребенке положительные черты, чтобы дети постепенно приняли его в свой круг.

Стихийно отношения сверстников не всегда складываются успешно, оставляя зарубки в душе не только "обижаемого", но и "обидчика". Но ребенка нельзя оберегать от сверстников из страха, что его отвергнут. В школе на первый план выйдет очень серьезная задача: систематическое овладение основами знаний, и тут отношения со сверстниками могут стать либо нашей родительской опорой, либо колоссальной помехой.

Ребенку с дошкольного возраста жизненно необходима компания как важное условие его личностного и социального развития, в том числе и подготовки к школе.

Автор: Татьяна Ермолова, кандидат психологических наук

Как научить ребёнка постоять за себя

Это один из самых животрепещущих вопросов. Волнует он и мам, и пап, но пап, наверное, всё-таки больше.

- Жизнь жестока, - говорят мужчины. - В ней надо пробиваться с боем, а у нас растёт слюнтяй.

Причём негодуют по поводу сыновнего слюнтяйства, как правило, те отцы, которые сами в детстве постоять за себя не умели, да и во взрослом возрасте не больно-то напоминают Рембо или Джеймса Бонда. Впрочем, оно и понятно. Всем нам хочется, чтобы дети не повторяли наших ошибок и были счастливее нас.

В гостях у Снежной королевы.

Далеко не все дети успешно усваивают уроки самообороны. Многие зажимаются ещё больше, поскольку не могут преодолеть страха и к тому же боятся вызвать неудовольствие папы. А потому предпочитают поменьше жаловаться на обидчиков, скрывать свои переживания, перестают доверять родителям, отчуждаются от них. Это порождает ещё большие проблемы, ведь, утрачивая опору в лице взрослых, ребёнок ощущает свою полную незащищённость. А если он ещё и от природы несмел, страх перед миром может стать паническим.

Геру напоминал заколдованного мальчика из сказки. Как будто Снежная королева обдала его своим ледяным дыханием и заморозила навеки. Бледный, с невыразительным лицом, ни на что не реагирующий, он молча сидел рядом с мамой и не выказывал никакого интереса к игрушкам. Только глаза синели двумя узкими льдинками, но и в них не отражалось ни радости, ни любопытства. Лишь при приближении других детей в них мелькал страх.

- Его бьют, а он даже убежать не смеет, - рассказывала мама. - Стоит как истукан. А мне потом говорит, что у него ноги к полу приросли. А ведь он на голову выше сверстников и весит в полтора раза больше. Я его в сад отдала. Думала, станет побойчее. Так Геру там один мальчик, на год моложе, до того затретиловал - пришлось забрать. Две недели всего отходили в сад, а теперь три месяца отойти от случившегося не можем. По ночам кричит, днём от меня не отходит. С детьми вообще перестал общаться. Раньше хоть во дворе с кем-то играл, а сейчас и на улице его не вытацишь.

Чуть что - сразу в нос.

Есть и другая крайность. Детям, привыкшим чуть что - кидаться на обидчиков с кулаками, бывает трудно ужиться в коллективе. К ним быстро приклеивается ярлык хулиганов, а затем нередко следует и отчисление из садика. Ну, а если родителям всё-таки удаётся уговорить администрацию не выгонять их ребёнка, вокруг него образуется вакуум. С ним предпочитают не связываться. А чувствовать себя бешеной собакой, которую боятся и ненавидят, уверяю вас, не очень приятно. Отвергнутые люди озлобляются, у них растёт желание мстить. Это порождает ответную ненависть, и так до бесконечности. К школе у ребёнка может сложиться устойчивое убеждение, что кругом одни враги, а это прямой путь в депрессию, которая в подростковом возрасте порой чревата даже самоубийством.

- Стёпа с детьми играл неплохо, но нам не нравилось, что он больше склонен подчиняться, - рассказывает Светлана. - Отберут у него ведёрко, он не протестует. Попросят машинку - даст. Муж смотрел на это, смотрел, а потом начал его учить: "Если у тебя что-нибудь отбирают, ты не церемонься. Дай разок в нос, и все отстанут".

Все действительно отстали. И даже попросили Светлану гулять со Стёпой где-нибудь в другом месте. Благо, рядом с домом был парк, и места хватало. К счастью, Светлана не стала дожидаться подросткового возраста, а постаралась побыстрее загладить результаты папиной педагогики. Правда, удалось ей это не сразу: мальчик начал входить во вкус, ему понравилось, что его все боятся. Спасло положение только то, что по натуре Стёпа был незлобив. А если бы семена упали на более подготовленную почву? Если бы, скажем, он был повышенно конкурентен, обидчив, агрессивен? Растормозить ребёнка легко, повернуть процесс вспять куда труднее.

Не раздувайте из мухи слона.

Но как же быть? Размышляя над этим, мне кажется, важно разделить два момента: отношение к ситуации самого ребёнка и отношение родителей. И спросить: а так ли драматично обстоит дело в глазах вашего сына или дочери? Действительно ли, что их обижают, унижают, подавляют? Или это в вас самих всколыхнулись какие-то давние обиды, и вы невольно приписываете детям свои представления о жизни? К сожалению, дело частенько обстоит именно так.

Почему "к сожалению"? - Да потому, что в детях таким образом закладывается комплекс неполноценности. Не зафиксируйся взрослый на какой-то мелкой несправедливости, совершённой по отношению к его ребёнку, тот, может быть, ничего и не заметил бы. Ну, толкнули... ну, поддразнили... ну, не приняли в игру... С кем не бывает? Сейчас не приняли, а через полчаса примут. Две минуты назад тебя толкнули, а ещё через две

минуты ты кинешься куда-то стремглав и тоже нечаянно толкнёшь кого-нибудь... Детские обиды обычно нестойки и быстро улечиваются. Сплошь и рядом вчерашний враг становится лучшим другом, и наоборот.

Но когда на обиде фиксируются взрослые, она приобретает качественно иной статус, как бы получает официальное признание. А ведь некоторые родители не просто заостряют внимание ребёнка на пустяковых обидах. Они ещё и припечатывают их страшным словом "унижение". Помню, одна мама в получасовой беседе раз десять повторила, что её мальчика в школе "унижают". А имелось в виду всего-то навсего, что учительница при ребятах делала ему замечания и наконец отсадила его за отдельную парту, поскольку он егзил, отвлекая соседей.

Нет, конечно, бывает и настоящее унижение, когда "крутые" одноклассники или жестокие учителя действительно травят неудобного. Но нередко взрослые раздувают из мухи слона, и этим только вредят своему ребёнку, поскольку вместе с "мухой" (пустяковой обидой) раздувается его самолюбие. А раздутое, гипертрофированное самолюбие мешает человеку нормально строить отношения с окружающими. Он во всём выискивает подвох, вспыхивает, как спичка, при малейшем неосторожном слове, сказанном в его адрес. Понаблюдайте за людьми, которые зафиксированы на отстаивании собственного достоинства. Много ли у них друзей? Обида - вообще очень плохое, вредное чувство. Она разъедает душу, пробуждает в ней злость, зависть, ненависть.

Слова и образы.

Сами посудите, что подспудно сообщает ребёнку взрослый, внушая ему мысль о "жестокости мира" и необходимости "пробиваться с боем"? - Ребёнок начинает чувствовать себя во вражьем стане. А поскольку мир большой, а ребёнок маленький, он не чувствует и не может чувствовать в себе сил победить весь мир. Поэтому у одних детей развиваются страхи, а у других - агрессивность, в глубине которой скрывается всё тот же страх.

Для нормального развития ребёнку совершенно необходимо верить, что мир добр. Да, в нём могут встречаться отдельные вкрапления зла, но именно вкрапления, редкие и непременно побеждаемые добром. Иначе страх парализует ребёнка, затормозит его интеллектуальное и эмоциональное развитие. Недаром даже дети, пережившие сущий ад: войну, стихийные бедствия, утрату близких, - подсознательно стремятся забыть, вытеснить кошмарные переживания. И действительно очень многое со временем забывают, переключаясь на более радостные, светлые впечатления. Иначе у них не будет сил продолжать жить.

А тут не кто-нибудь, а собственные родители, чьё слово весит для маленького ребёнка гораздо больше слов всех остальных людей, выбивают

из-под него опоры, подрывают его представления о доброте и справедливости окружающего мира. Вместо того, чтобы защитить сына от обидчиков, отец, с одной стороны, нагнетает в нём страхи, а с другой, лишает малыша самоуважения, называя его слюнтяем. После этого довольно наивно ждать каких-либо положительных сдвигов в поведении робкого ребёнка.

Защищать, пока не сможет защитить себя сам.

Защищать детей нужно обязательно. Конечно, не стоит уподобляться склочникам, которые по любому поводу бегут "качать права" в школу, садик, во двор. Но оставлять ребёнка беззащитным (да ещё попрекать его тем, что он не может постоять за себя сам!) взрослые просто не имеют права. Ведь это самое натуральное предательство.

Поверьте, если бы ребёнок мог расправиться с обидчиками без посторонних, он бы с удовольствием это сделал. Никому не хочется чувствовать себя слабаком и трусом. Как только он соберётся с силами, ваша помощь станет ему не нужна. А пока этого не произошло, долг родителей - обеспечивать ему надёжную защиту.

В конце концов, мы ведь тоже не всегда справляемся со своими обидчиками сами, а в каких-то случаях прибегаем к помощи милиции. Как бы вы посмотрели на милиционеров, которые на просьбу защитить вас от распоясавшихся бандитов, ответили бы:

- А кулаки у вас на что? Сами защищайтесь, как можете. Человек должен уметь сам за себя постоять.

Вам кажется неправомерным сравнивать маленьких распоясавшихся хулиганов с большими? Но ваш-то ребёнок тоже маленький. И для него Петька с Колькой, терроризирующие двор, такие же страшные, как для вас - настоящие террористы.

Изъять из травмирующей среды.

Если сына или дочь регулярно обижают в детском садике, необходимо поговорить с воспитательницами. Помните: администрация детского учреждения, которое посещает ваш ребёнок, по закону отвечает за его физическое и психическое здоровье. Поэтому воспитатели обязаны следить за психологическим климатом в группе, унимать драчунов, не позволять одним детям дразнить других.

Вы скажете: "Да сейчас все дети ужасно агрессивные. Везде одно и то же, везде дерутся".

Позволю себе с вами не согласиться. Всё зависит от взрослых. Если взрослые

позволяют детям распоясываться, те, разумеется, будут стоять на голове. Если нет, то любые, даже самые невоспитанные мальчишки в конце концов научатся обходиться без драк и оскорблений.

Два садика или две школы, расположенные через дорогу друг от друга, могут отличаться, как небо и земля. В "нулёвке" мой младший сын попал в обстановку постоянных драк. Первое время он вообще не понимал, что происходит. В классе отчаянно дрались не только мальчишки, но и девочки. Придя как-то за Феликсом, я увидела в раздевалке сцену из боевика. Толстая девчонка приёмами карате загнала какого-то, тоже довольно упитанного мальчика в угол и грозно размахивала ногой перед его носом. Мальчишка в ужасе вжимался в стену. Воспитательница, которой всё это было прекрасно видно, невозмутимо беседовала с нянечкой.

Потом мне было сказано, что ребёнок у меня какой-то не такой, малообщительный, чуть ли не аутичный: все дерутся - а он книжку читает.

- Да вы радоваться должны, что у вас хотя бы один человек не дерётся, - возмутилась я.

- Нет, - неодобрительно нахмурилась "педагог". - Всё равно это непорядок. Другие дети разряжаются, энергию сбрасывают, а ваш в сторонке сидит.

Признаться, мы были в затруднении. Школа вроде бы была на хорошем счету, и тут вдруг такое. По вечерам сын твердил, что больше туда не пойдёт, потому что там все дураки и бойцовые петухи. И хотя его не обижали (муж строго поговорил с забияками и их родителями), ему всё равно было там ужасно неуютно. Феликс с детства был очень общительным, хорошо ладил с детьми разных возрастов, но к "общению" посредством кулаков как-то не привык. А у одноклассников это действительно была такая форма общения.

Поняв, что на учителей рассчитывать не приходится, и будучи ещё морально не готовы сменить школу, мы ломали голову в поисках выхода. Неожиданно выход нашёл сам ребёнок. Собственно говоря, он сделал то, что вообще-то должны были сделать умные педагоги: превратил драку в игру. От отчаяния людям порой приходят в голову гениальные мысли. В какой-то момент, не в силах больше выносить тупость этих каждодневных побоищ, Феликс предложил:

- Давайте вы будете боксёры на ринге, а я - рефери.

Они опешили и согласились. Игра понравилась. Феликс повеселел, хотя школу по-прежнему ненавидел.

Потом мы всё-таки перевели его в другую. И хотя она находится в двух остановках от предыдущей, порядки тут диаметрально противоположные. В

этой новой школе ценится, когда ребёнок любит читать. А ещё тут никто ни с кем не дерётся.

- Попробовал бы у нас кто-нибудь затеять драку! Сразу же отправился бы в кабинет к завучу, - усмехается Феликс.

А если травят везде?

Зачастую бывает достаточно сменить сад или школу, и вопрос, как защититься от обидчиков, снимается сам собой. Но если ребёнок везде, куда бы ни попадал, оказывается жертвой драчунов, значит, дело не только в коллективе. Скорее всего, в нём самом есть нечто, провоцирующее обидчиков.

Родители склонны считать, что он всех боится, а дети, как собаки, чуют запах страха. И, естественно, атакуют слабого.

По моим наблюдениям, это не так. Слабых, но тихих, неконфликтных детей обычно не обижают. Устойчивую агрессию провоцируют "занозистые" дети. Такие, которые сами задираются, а потом бегут жаловаться. И учить их надо не столько давать сдачи, сколько ладить с окружающими: не завидовать, не обижаться, не претендовать на постоянное лидерство, относиться к ребятам доброжелательно, не ехидничать и т.п.

На первую консультацию к нам мама пришла без сына, и когда мы потом увидели четырнадцатилетнего Андрея на занятии, у нас сложилось впечатление, что речь шла совершенно о другом человеке. В описании мамы он был невинной жертвой, затравленной одноклассниками и абсолютно не умеющей постоять за себя. Перед нашими же глазами разворачивалась совсем иная картина. Да, Андрей действительно не был храбрецом. Он легко пасовал и, как улитка, прятался в свою раковину. Даже голову в плечи вжимал, чтобы казаться меньше и незаметней. Но чуть осмелев, эта "невинная жертва" начала, будто репей, цепляться к ребятам. В прищуренных глазках загорелись недобрые огоньки, и он принялся с азартом подкалывать, подначивать, изводить ребят, безошибочно выбрав из них самых уязвимых. Развернуться в полную мощь мы ему, конечно, не дали, но ребятам и увиденного хватило, чтобы на него ополчиться.

Всё было как на ладони. Оставалось самое трудное: изменить стереотипы Андрюшиного поведения и его взаимоотношения с детьми. Не буду подробно описывать ход нашей работы, скажу только, что мы, во-первых, много сделали, чтобы помочь мальчику раскрепоститься. Он действительно был очень зажат, недоверчив, не верил в свои силы. А с другой стороны, нам пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы изменить в лучшую сторону его отношение к людям. Мамин взгляд на сына как к жертве несправедливости сослужил ему очень дурную службу. За свои четырнадцать

лет Андрюша успел увериться в том, что он самый несчастный человек на свете. А раз так, то с какой стати ему кого-то жалеть, кому-то сочувствовать? Со временем Андрей немного распрямылся, лицо его просветлело, глаза уже не похожи на щёлочки и смотрят не зло, хотя и немного настороженно. С ребятами у него перемирие, однако в компанию его приглашать не торопятся. Ему ещё многое предстоит понять, чтобы окончательно изжить в себе комплекс жертвы.

Победа над страхом.

Но как же всё-таки побороть страх перед обидчиками? Ведь одно дело, когда человек не даёт сдачи из благородства, а другое - когда он просто трусит. Трусость, конечно, надо преодолевать.

Мой опыт общения с детьми показывает, что страх преодолевается легче, если ребёнок даёт отпор врагу не ради себя самого, а защищая кого-то слабого. Это более действенный стимул, поскольку чувство сострадания заглушает страх. Ребёнок отвлекается от своих переживаний, и ему становится легче преодолеть себя. Работая по нашей методике, мы с Ириной Медведевой сначала даём детям возможность пережить победу над обидчиком в театральные этюды. Проигрывая их, ребёнок учится оказывать сопротивление нападающим, и эта мысленная тренировка затем помогает ему в жизни. Чаще всего, повторяю, он защищает в этюдах не самого себя, а какого-нибудь малыша, новенького, впервые пришедшего в детский сад, или девочку, которую обижают озорные мальчишки. Однако затем мы всё равно выводим ребёнка на мирное разрешение конфликта, стараемся постепенно пробудить в нём симпатию, интерес, и, главное, жалость к противнику.

Жалость - вообще самое надёжное оружие в борьбе со страхом. Невозможно бояться тех, кого ты жалеешь. Ведь для того, чтобы пожалеть, надо почувствовать себя очень сильным. Люди жалеют только более слабых. Именно поэтому нам порой бывает так трудно пожалеть и простить своих родителей: даже старенькие и немощные, они по-прежнему имеют над нами власть, кажутся нам сильнее нас. Именно поэтому Христос жалел всех, даже тех, кто его распинал. Он был духовно самым сильным человеком на земле, Богочеловеком. Так что если вы хотите, чтобы ребёнок умел давать отпор обидчикам, развивайте в нём чувство сострадания. Это гораздо важнее, чем учить его чуть что - сразу давать сдачу.

Хотя приёмы борьбы тоже не мешает освоить. Только не дошколятам. Они всё равно ещё неспособны к настоящей самообороне, и занятие у-шу и прочим лишь подогреет в них агрессивность. А вот в подростковом возрасте это уже насущная необходимость. Мало ли в какую переделку может попасть парнишка? Мы же не будем водить его всю жизнь за руку.

И вот тут-то, по-моему, наблюдается сильный перекося. Детской

самообороной больше всего озабочены родители дошкольников и младших школьников. А к старшему школьному возрасту острота проблемы вроде бы сглаживается: ребята мало-помалу отучаются решать споры кулаками, обиженные перестают жаловаться, и родителям кажется, что всё утряслось.

Но в действительности коллизия углубляется. Именно в подростковом возрасте, когда ребёнок психологически созревает до преодоления своей трусости (и даже жаждет испытать себя, доказать всем, что он не слабак), взрослые начинают усиленно сеять в нём страхи, запугивая его армией. В результате многие парни боятся её, как огня. Наркоманами стать не боятся (и становятся!), а попасть в армию боятся. Хотя наркоманов погибает гораздо больше, чем солдат.

Получается, что в том возрасте, когда многие дети ещё физически и психологически не способны себя защитить, мы не защищаем их, говоря, что они должны это делать сами. Когда же они становятся готовы к самостоятельным действиям, снова лишаем их способности к сопротивлению, не давая им необходимых умений и навыков. Но как можно серьёзно говорить о том, что юноша способен постоять за себя, если он даже стрелять не умеет? Ведь взрослая жизнь порой и впрямь бывает жестокой. Это не детский сад, где отделаешься максимум парой синяков...

Автор: Татьяна Шишова